КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

БРАТЬЯ ГОСУДАРЫНИ-НЕВЕСТЫ

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
Братья государыни-невесты. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 64 с. *(Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).*

ISBN 978-5-4386-1448-7

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

Князья Долгоруковы сыграли в истории России исключительную по важности роль. Правда, обычно путают князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы, с князьями Долгоруковыми и Долгорукими, которые, если и были родственниками — Рюриковичами — то весьма и весьма отдаленными.

В «Записках князя Петра Долгорукова» истории рода отведено всего две строчки: «Я не буду рассказывать здесь о генеалогии своей семьи: всем известно, что она очень древняя и восходит к Рюрику».

Но это несколько не так. Да, происходят Долгоруковы от Рюрика — это аксиома, от черниговской ветви династии, а именно — от князей Оболенских.

Долгоруковы– самая младшая ветвь рода князей Оболенских, которой по всем канонам местнического права, существовавшего в России до конца XVII столетия, уготована была роль «поскребышей» истории — занимать только те места в верховной иерархии, которые не могли занять представители старших семейных ветвей этого рода и только когда эти места освобождались для их младших собратьев.

Князья Оболенские первыми в истории России создали олигархическое правительство семейного клана Оболенских, используя влияние на вдову великого князя Василия III Елену Глинскую ее фаворита и биологического отца наследника престола князя Оболенского-Телепнева.

Именно Оболенские, используя свое влияние на правительницу и военную мощь своих дружин, совершили два

государственных переворота того времени, лишив права на престол его законных наследников — удельных князей, родных братьев великого князя Василия III, Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, освободив трон для правительницы, которая была под их прямым влиянием.

Князья Оболенские были самым многочисленным и самым влиятельным семейным кланом того времени. И даже после того, как бояре-заговорщики отравили правительницу Елену Глинскую и уморили в тюрьме ее любовника и соправителя князя Оболенского-Телепнева, Оболенские играли исключительную роль в государстве, занимая важнейшие посты.

Семейный внутренний переворот произошел во время Опричного террора, когда по приказу Ивана Грозного (с подачи бояр Захарьиных, устранявших своих политических конкурентов) были казнены многие из старших ветвей князей Оболенских, входивших в политическую элиту той кровавой эпохи.

И места старших, сложивших на плахе свои головы, заняли в Боярской Думе, на высоких государственных постах, в соответствии с законами о местничестве, младшие из князей Оболенских — князья Долгоруковы и князья Щербатовы.

И потому понятна следующая роль представителей этого рода в одном из важнейших исторических событий конца XVII столетия: «***Сын Юрия*** *(князя Юрия Алексеевича Долгорукова — С. В.)****, боярин князь Михаил, был одним из тех, кто наиболее горячо ратовал за упразднение наиболее мрачных обычаев, существовавших испокон веков на Руси, за отмену местничества, то есть того распространенного обычая, в силу которого никто, даже во время войны, не мог быть в подчинении у того, чей отец был когда-то под началом отца данного лица. Старшинство основывалось на разрядных книгах, что приводило к постоянным распрям и лежало***

в основе часто случавшихся военных поражений. Князь Михаил был одним из главных участников и свидетелей того аутодафе 12 января 1682 года, когда были сожжены официальные разрядные книги, и местничество было объявлено уничтоженным».

И теперь, чтобы занять ближайшее место к трону, необходимо были либо заслужить его, либо выслужиться, либо породниться с семьей царствующего Дома Романовых.

Князья Долгоруковы избрали для своего пути к карьере царедворцев все три дороги.

Самой трудной, недостижимой в течение столетий, оказалась именно последняя, которая многими другими (и древними, и юными) родами преодолевалась достаточно легко.

Но у Долгоруковых не заладилось с самого начала: ***«… после своего возвращения в Россию Филарет Романов решил женить своего сына, царя Михаила, на особе знатного рода, и его выбор выпал на княжну Марию Долгорукову, дочь боярина Владимира Тимофеевича. Прочие знатные семьи с завистью взирали на этот выбор. Молодую царицу отравили: она заболела на следующий же день после свадьбы, 20 сентября 1624 года, и угасла 7 января 1625 года, после 3,5 месяца агонии»***.

Выбор Филарета был понятен — Владимир Тимофеевич предложил его кандидатуру в цари еще в 1610 году сразу после свержения царя Василия Шуйского (то есть этот князь Долгоруков представлял интересы «тушинского воровского лагеря» Романовых).

Князь Владимир Тимофеевич сразу после смерти дочери — супруги царя Михаила — потерял свое значение при дворе и был отправлен воеводой в Вологду. «Русский биографический словарь» сообщает подробности: ***«Князь Владимир Тимофеевич так был огорчен смертью дочери-царицы, что заперся в своем доме, долго оставался в полном уединении, покинул все дела и постепенно впал в тихое помешательство. Так он прожил восемь лет и скончался в 1633 г.»***.

После смерти князя эта ветвь Долгоруковых по мужской линии угасла.

Первая дорога оказалась не менее сложной, хотя, казалось бы, служить Вере, Царю и Отечеству — священный долг каждого русского дворянина. Но среди Долгоруковых и всех прочих русских князей нашелся всего один, который служил верой и правдой: ***«Князь Яков Федорович Долгоруков, сенатор при Петре I, прославился своей смелостью, с которой он всегда говорил правду государю, хотя мы знаем, как трудно и опасно было исполнять перед государем этот долг»***.

Яков Федорович тоже не оставил наследников.

Остальные Долгоруковы избрали для продвижения своей карьеры тот путь, по которому пошло и большинство царедворцев в XVIII столетии, и который оказался самым результативным: можно было не только выйти в «дамки», но и превратиться из пешки в ферзя.

Вот один из ярких примеров, которые приводит в своих «Записках» князь Петр Владимирович Долгоруков: ***«Князь Василий Лукич, племянник князя Якова, прославившегося неустрашимой прямотой своего характера и смелой, даже дерзкой твердостью, с каковой он говорил правду Петру I, этот князь Василий Лукич ни в чем не унаследовал прямоту характера своего дяди. Но он был необыкновенно умен: это был тонкий дипломат, и никто лучше его не умел вести переговоры. Будучи в ранней юности секретарем русского посольства при дворе Людовика XIV, он видел Версаль и его роскошь, скрывавшую столько низостей. Будучи самым галантным из русских вельмож, он обнаруживал в себе привычки, тон и манеры французского двора. Но со всем тем французская испорченность коснулась и его тоже. Петр I, который хорошо разбирался в людях, поручал ему самые деликатные переговоры… На него возлагались и самые интимные поручения при Курляндском дворе. Во Франции он познакомился с иезуитами и был поражен их глубокой и разносторонней образованностью. Он сблизился***

с ними и обещал не только способствовать их проникновению в Россию, но и распространению их влияния при условии, что они помогут ему войти в силу и будут и дальше его поддерживать».

Князь Василий Лукич Долгоруков

Но судьбоносным для династии стал случай — вице-канцлеру Остерману, смертельным врагом которого был сиятельнейший князь Меншиков, нужен был молодой человек, который бы стал реальной альтернативой при дворе императора Петра II молодому князю Меншикову, приставленному отцом к императору, чтобы быть «глазами и ушами» Александра Даниловича, который возвел молодого Петра на трон, чтобы женить его на своей дочери и, породнившись с Романовыми, стать самому правителем страны.

Хитрый Остерман решил переиграть князя Меншикова, воспользовавшись болезнью последнего. И, как известно, это ему удалось с лихвой — Меншиков был сослан в Березов, в Сибирь, где и умер.

Иван Алексеевич Долгоруков

«Князь Иван — писал Петр Владимирович Долгоруков о своем родственнике, — был красивым молодым мужчиной, высоким, стройным, хорошо сложенным. Он отличался умом живым, но несколько поверхностным и легковесным. Князь имел характер ветреный и при полном отсутствии моральных устоев был склонен к удовольствиям. Он провел свое детство в Варшаве, в доме своего деда Григория Долгорукова, опытного дипломата, который с успехом представлял Россию при дворе того самого Августа II, о котором говорили: "Когда Август пьет, вся Польша во хмелю". Гувернером у Ивана Долгорукова был почтенный человек, некто Фик, но из всей образованности князь Иван воспринял только внешний лоск. Как и все поколение, родившееся при Петре I, он был пропитан традиционным раболепием и безнравственностью, свойственными русскому двору того времени. Словом, князь Иван, несмотря на свой природный ум, был ничтожным человеком, испорченным до мозга костей. Его неограниченное влияние на молодого государя делало его, можно сказать, вершителем судеб России. И как же он этим воспользовался?

Важнейшие дела, как внутренние, так и внешние, с момента восшествия на престол Петра II, сосредоточились в руках Верховного тайного совета, в который входило семь человек: герцог Голштинский — зять императрицы, предок правящего нынче дома, пьяница, лишенный всякого здравого рассудка; Меншиков; генерал-адмирал граф Апраксин *(брат второй жены царя Федора Алексеевича Марфы — С. В.);* ***канцлер граф Головкин*** *(родственник Натальи Кирилловны Нарышкиной — С. В.);* ***вице-канцлер барон Остерман; граф Толстой*** *(руководивший следствием по делу царевича Алексея Петровича — С. В.)* ***и князь Дмитрий Михайлович Голицын.***

…После ссылки Толстого и Меншикова и отъезда из России герцога Голштинского, Верховный тайный совет состоял

всего из 4 человек. После торжественного вступления в Москву прибывшего для коронации Петра II были назначены два новых члена: два Долгоруковых — Алексей, отец фаворита, и Василий Лукич, о котором я уже рассказывал.

Князь Алексей Григорьевич Долгоруков, старший сын знаменитого дипломата князя Григория Федоровича и племянник прославленного князя Якова, не унаследовал ни талантов, ни возвышенного ума своего отца, ни выдающейся преданности государю, отличавшей его уважаемого дядюшку. Он отличался умом ограниченным, был упрям, полон тщеславия, имел вульгарные манеры, а перед вельможами был угодлив до рабской услужливости. Он был одержим безграничной и неутолимой гордыней с того самого дня, когда у него в руках оказалась власть. Бесстыдный лихоимец, он простирал свою низость до того, что завидовал милостям, оказанным его собственному сыну. Он соединял в себе все пороки и не имел ни одной добродетели.

Кроме князя Ивана, у него было еще три сына — Николай, в возрасте 15 лет, и еще подростки Алексей и Александр. Все трое так и остались пустыми, никчемными людьми».

В ноябре 1728 года после смерти генерал-адмирала Апраксина Верховный тайный совет пополнился еще одним Долгоруковым — князем Михаилом Владимировичем, генерал-губернатором Сибири. Его брат — князь Владимир Васильевич Долгоруков (крестный отец царевны Елизаветы Петровны) — был фельдмаршалом, которого возвел в этот воинский чин император Петр II за преданность отцу — казненному царевичу Алексею Петровичу. Этот Владимир Васильевич был вторым исключением из правил того времени: он ***«отличался чрезвычайной честностью, а кроме того славился прямотой характера. Он совсем не был похож на придворного, ибо не только никогда не лгал, но даже никогда не скрывал своего мнения.***

Его правдивость и откровенность вошли в поговорку. Он говорил правду всем и всегда. Это являлось главной причиной его постоянных несчастий, но отсюда же проистекало и то уважение потомства, которого он удостоился вполне правомочно. Он был человеком невысокого ума, но, как и князь Яков Долгоруков, как и собственный его племянник князь Долгоруков-Крымский, по самому складу своему был героем» *(П. В. Долгоруков)*.

Долгоруковы настолько плотным кольцом обложили молодого императора, что он, в буквальном смысле, не мог без них и шагу ступить.

Все свободное время было посвящено охоте. Подсчитано, что с февраля 1728 по ноябрь 1729 года 243 дня император провел на большой охоте, а остальные дни на охоте малой (по два-три дня).

Страной, разумеется, в отсутствие императора управлял семейный клан Долгоруковых, упиваясь неожиданно выпавшей на их долю верховной властью.

«Князь Иван не всегда сопровождал своего государя на охоту; ему случалось оставаться в Москве, и в это время он предавался самым разнузданным и отвратительным развлечениям. По ночам, окруженный шайкой вооруженных негодяев, он проносился верхом по столичным улицам; силой врывался в частные дома, бесчестил женщин и девиц, и никто не смел оказать ему сопротивления или подать жалобу на фаворита императора!»

Когда 22 ноября 1728 года умерла сестра императора — великая княгиня Наталья, имевшая на брата большое влияние, Долгоруковы решились на тот же шаг, что и сиятельнейший князь Александр Данилович Меншиков, чтобы самостоятельно править этой огромной и богатой (несмотря на обилие нищих) страной: они решили женить императора на княжне Долгоруковой.

Екатерина Алексеевна Долгорукова

Государыня-невеста

«Во время последней большой охоты, на которой присутствовал Петр II, — охоты, длившейся два месяца, центральным местом сборы были Горенки, поместье князя Алексея Долгорукова; там же находилась вся его семья; дамы часто сопровождали императора на охоте, и во время одного из таких вечеров, в сентябре, после обильного ужина, подстроили так, что княжна Екатерина осталась наедине с императором… Петр II повел себя как честный человек; он решил жениться на молодой особе, у которой похитил то, чего был не в состоянии вернуть. Слухи о браке стали достоянием гласности: об этом заговорили по всей Москве; народ *(какой? — С. В.)* ***был недоволен; врагов Долгоруковых это известие привело в смятение; наконец 9 ноября император вернулся в Москву. 19 ноября он призвал во дворец штаб-офицеров и должностных лиц четырех первых классов, то есть всех тех, кого в те времена называли генералитетом, и объявил им о своем намерении жениться на княжне Екатерине Долгоруковой.***

…30 ноября в Лефортово состоялось торжественное обручение.

Особый указ предписывал присвоить молодой особе титулы Государыни невесты и Ее Императорского Высочества».

Приход к власти семейного клана Долгоруковых не входил в планы тех «высших сил», которые обеспечили Петру II русский трон.

Расклад новых политических сил был таков, что «немецкая партия», сформировавшаяся при царе Петре I и занявшая высшие государственные должности, при «воцарении» Долгоруковых могла потерять и чины, и головы. И это были не досужие вымыслы: вот, например, действия фельдмаршала князя Василия Владимировича Долгорукова, когда он обрел реальную власть в стране при Елизавете Петровне: ***«Его суровое обращение с немцами принудило тех из них, кто обладал чувством собственного достоинства (таких, как Левендаль, Кейт, Манштейн), покинуть русскую службу***

и предложить неоспоримые свои дарования на службе в других государствах *(добавим: интересам которых они и служили в России — С. В.)*».

Поэтому дальнейшие события, связанные с болезнью и смертью юного императора, вряд ли были случайными в истории нашего Отечества, вектор судьбы которого постоянно направлялся чьими-то чужими руками.

Так было и на этот раз. По крайней мере с версией, которую выдвигает Петр Владимирович Долгоруков, историк своего рода, мы не можем не считаться.

«Днем в субботу, 17 января, князь Алексей, его сын Иван, оба брата Алексея, Сергей и Иван, и Василий Лукич собрались в спальне князя Алексея на первом этаже дворца Головкина; все были озабоченные и обеспокоенные. Они говорили о болезни императора, о его неизбежном конце и о том, что воспоследует вслед за тем.

— Кого же следует возвести на престол? — спросил князь Алексей.

— А ты как думаешь? — спросил вместо ответа Василий Лукич.

— Надо бы, — ответил Алексей, — составить завещание, по которому император… передал бы корону ей, — добавил он, указывая пальцем на верхний этаж дворца, где находилась в то время его дочь, княжна Екатерина.

— Народ не поверит такому завещанию, — возразил князь Василий. — Это очень уж опасная затея, может плохо кончиться.

— Не такая уж опасная, как ты думаешь! — воскликнул князь Сергей.

Тогда князь Василий, опасаясь скомпрометировать себя в глазах родни бесконечными возражениями, сказал:

— Я должен познакомить вас с письмом, полученным мною от датского посла. Он пишет мне: "Поговаривают о безнадежном положении императора. Если случится его

потерять, кого вы возведете на престол? Восшествие великой княжны Елизаветы было бы весьма нежелательно для Его Величества короля Дании *(по причине возможного возврата Россией земель герцога Голштинского, ее зятя, отобранные у него Данией — С. В.).* ***Вам следовало бы посадить на трон невесту императора, вашу племянницу. Ведь возвели же Меншиков и Толстой императрицу Екатерину на престол после смерти Петра I”».***

Получив таким образом «поддержку» короля Дании, все дружно принялись за создание подложного завещания, которое, если император этого сделать был уже не в силах или не позволяли обстоятельства (а у его постели безотлучно находился «плачущий» вице-канцлер Остерман, глава «немецкой партии»), то подписать его должен был за императора князь Иван ***«довольно хорошо умевший воспроизводить руку своего государя»***, ***«… и завещание было написано здесь же, не сходя с места, под диктовку князя Василия и князя Алексея братом последнего, князем Сергеем»***.

Был ли у князей Долгоруковых шанс, как у «птенцов Петровых», которые возвели на российский престол «лифляндскую потаскушку»? Или как у гвардейцев, которые сделали всероссийской царицей «выблядка» (по выражению главы Верховного тайного совета Дмитрия Михайловича Голицына) царя Петра» — его дочь Елизавету Петровну?

Трое из шести членов Верховного тайного совета, главного органа власти империи, были князьями Долгоруковыми. Фельдмаршал Василий Долгоруков был подполковником (то есть командиром; Шефом полка, полковником, был сам император) Преображенского гвардейского полка (как в свое время Иван Иванович Бутурлин, обеспечивший штыками этого полка восхождение на престол Екатерины I), а князь Иван, фаворит императора, был майором этого же полка, на который можно было снова опереться, чтобы захватить власть.

Князь Петр Долгоруков, которому поруганная родовая честь не давала покоя, будучи сам приверженцем революционных идей конституционной монархии, которые, собственно, и стали импульсом к разоблачительным публикациям о моральном облике высшей аристократии Российской империи, свившей родовые гнезда у трона и душившей всякую мысль о свободе, равенстве и счастье людей, живущих в стране под гнетом крепостничества и самодержавия, писал:

«Для Долгоруковых единственным шансом возвести княжну Екатерину на престол, да и то шансом весьма ненадежным, было заключить полюбовное соглашение с дворянством, предложив широкую конституцию всему дворянству без исключения. Этот единственно существенный шанс был ими отвергнут: они хотели завладеть всей полнотой самодержавной власти; их судьбой стали Сибирь и эшафот, а разразившаяся катастрофа и ужасные несчастья, обрушившиеся на них, не вызвали к ним ни малейшего сострадания, ни малейшей симпатии: страшная, но вполне заслуженная кара за попытку похитить власть, вызванную себялюбием и алчностью, исключительно из личных интересов!

Князь Иван-сын написал внизу одного из двух экземпляров императорское имя Петр, свершив тем самым неоспоримый подлог. Он отправился в Лефортовский дворец, увозя с собой оба экземпляра, для того, чтобы дать императору подписать один из них, а если ему помешают это сделать, то предъявить второй экземпляр, с фальшивой подписью».

19 января 1730 года императора Петра II не стало. ***«С ним,*** — пишет П. В. Долгоруков, ***— угасла династия Романовых, процарствовавшая сто семнадцать лет».***

Я не могу согласиться с многоуважаемым Петром Владимировичем. По мужской линии династия Романовых «угасла» в феврале 1696 года со смертью царя Ивана Алексеевича Романова. По женской линии — со смертью его

дочери императрицы Анны Иоанновны, умершей в октябре 1740 года. Носителем романовской царской крови был, отчасти, еще и внучатый племянник Анны Иоанновны, император Иоанн Антонович, насильственно лишенный престола дочерью Петра I, содержавшийся многие годы как тайный узник Шлиссельбургской крепости и убитый 16 июля 1764 года по приказу императрицы Екатерины II.

Ни один из Петров — царей и императоров России — по утверждению самого Петра Владимировича Долгорукова не были Романовыми. Как не были Романовыми и все последующие Всероссийские императоры.

Но речь не об этом.

«Верховники», как называли членов Верховного тайного совета, собравшиеся сразу после смерти императора (Голицын, Остерман, Головкин и один из Долгоруковых — Василий Лукич), реально представляли ситуацию.

«Я переписал протокол этого памятного заседания с записки, найденной в бумагах моего деда, составленной им по сведениям, переданным князем Долгоруковым-Крымским, племянником фельдмаршала.

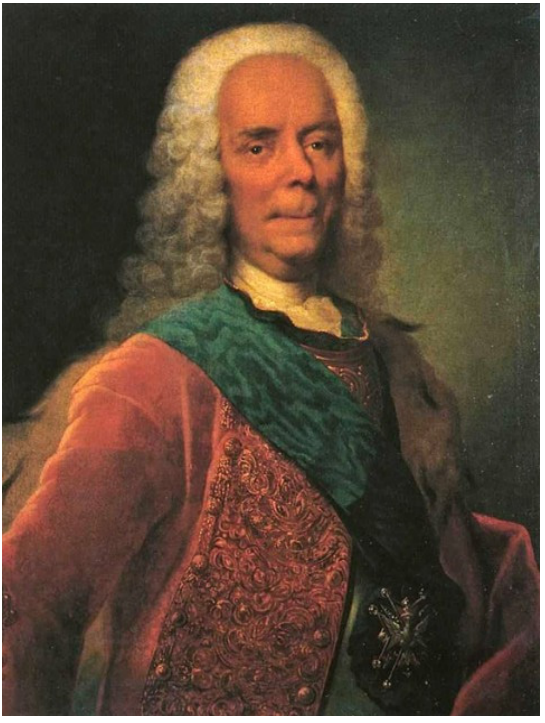
Канцлер *(Головкин — С. В.)* ***все кашлял и делал вид, что потерял голос; тогда князь Дмитрий Голицын взял слово.***

"Мужская линия императорской фамилии, — сказал он, — пресеклась; со смертью государя угасло законное потомство императора Петра I. Нечего думать о петровских выблядках. Завещание Екатерины не имеет, вероятно, для нас никакого значения; девка, из грязи вытащенная, никогда не имела никакого права вступить на престол и еще меньше прав имела распоряжаться Российской короной. Завещание покойного императора, о котором я только что говорил, подложное…"».

То есть с первой минуты проведения Верховного тайного совета глава этого Совета, потомок великого князя Литовского Гедимина, князь Дмитрий Михайлович Голицын, прямой предок которого — князь Василий Васильевич —

являлся политической альтернативой Романовым на престоле во время Великой Смуты, был абсолютно уверен в том, что ***«завещание покойного императора … подложное…»***.

«Князь Василий Лукич хотел было возразить, но фельдмаршал Долгоруков *(присутствовавший на Совете — С. В.)* ***остановил его резким движением руки, воскликнув громко и решительно: “Да, это завещание подложное; а кроме того, никто не имеет права взойти на трон, пока живы еще женские члены императорской фамилии”».***

Князь Василий Владимирович Долгоруков, генерал-фельдмаршал

То есть в подложном характере завещания императора Петра II НИКТО из присутствующих НЕ СОМНЕВАЛСЯ.

То есть у Долгоруковых не только не было никакого даже мельчайшего шанса обвести вокруг пальцев «верховников», у них самих, даже внутри собственного семейства, не было единства на счет проведения в жизнь этой политической аферы.

И она была просто отметена, как политический мусор, в силу ПОЛНОЙ своей несостоятельности.

И, кстати, одним из первых, кто уцепился за идею провозглашения на российском троне герцогини Курляндской Анны Иоанновны, будущего их семейного палача, будет самый лукавый царедворец и дипломат из рода Долгоруковых — князь Василий Лукич, который снова задумал обвести всех вокруг своих княжеских пальцев.

«“Есть еще Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская** (сказал князь Голицын, которого именно Анна Иоанновна и уморит потом в Шлиссельбургской крепости — С. В.) — **она женщина умная; правда, характер у нее дурной…”

“Ты прав”, — сказал Василий Лукич, который во время своей дипломатической миссии в Митаву несколько раз был любовником герцогини и надеялся, вновь став им, вернуть свое влияние и подчинить ее своей воле».

Но у князя Голицына, а точнее у тех сил, которые за ним стояли, создавая вслед за Верховным тайным советом новую структуру ограничения российского самодержавия, был на этот счет совсем другой план и совсем другие, нежели у Василия Лукича, надежды.

Долгоруковы в этой ситуации, даже не ведая беды, попадали из огня да в полымя. Князь Василий Лукич, казалось бы, убивал сразу двух зайцев: он не только собирался подчинить своей воле будущую императрицу, но и стать главой нового правительства. То есть снова Долгоруковы начали делить шкуру еще неубитого ими медведя, торопя события

и делая в этой спешке одну за другой губительные для себя и своей семьи политические ошибки.

Генералитет, с мнением которого «верховники» в силу сложившейся уже привычки раздавать приказы особо не считались, на самом деле представлял реальную политическую силу, сложившуюся из «птенцов гнезда Петрова» и старинной русской аристократии. Русская аристократия, в отличие от спаянных военной дисциплиной наемников-иностранцев, которые получили власть и богатство из рук самодержца, была спесивой, завистливой и продажной, не имеющей за душой ни понятия о чести, ни элементарной совести.

Немцев устраивал тот порядок вещей, который существовал в стране, — единодержавие.

Русская аристократия возомнила себя свободной шляхтой, избирающей по своей воле королей, хотя на самом деле ей была предложена олигархическая конструкция: власть двух княжеских породнившихся семейств — Долгоруковых и Голицыных.

«Среди наших соотечественников за абсолютную власть выступало незначительное число семей, связанных с герцогиней Курляндской: Салтыковы, Трубецкие, Головкины, старый князь Ромодановский; остальные же русские были обуреваемы жаждой свободы…».

Представители Верховного тайного совета во главе с князем Василием Лукичем Долгоруковым отправились в Митаву, чтобы склонить герцогиню принять корону на условиях ограниченного самодержавия. С чем Анна Иоанновна охотно согласилась, так как ей до смерти надоело быть нищей герцогиней Курляндской и жить на милости своих царствующих родственников.

«Духовенство, которым так высокомерно пренебрегал Верховный тайный совет, решительно заняло враждебную позицию. Архиепископ Феофан, граф Рейнгольд фон

Левенвольде, Семен Салтыков и Ягужинский тайно послали из Москвы в Митаву гонцов. Посланец Ягужинского, Петр Спиридонович Сумароков, гвардейский офицер (позднее — обер-шталмейстер при Елизавете и Екатерине II), был настолько неосторожен, что его присутствие было замечено на улицах Митавы. Узнав об этом, князь Василий Лукич приказал Сумарокова арестовать, завладел доверенным ему письмом, а самого заковал в кандалы».

Но тайные немецкие силы, которые давно уже сложились в России под патронажем дальновидного короля Пруссии, и о которых мы поговорим отдельно в книге «Масонский заговор», четко определили роль для Анна Иоанновны: изображать до поры до времени простушку и даже дурочку, соглашаясь на все требования «верховников» об ограничении самодержавия в России, а потом, при восшествии на трон, нанести заговорщикам ответный контрудар.

А те уже почувствовали свою «силу»: был арестован обер-шталмейстер П. Ягужинский и приговорен к смертной казни. «***…канцлер Головкин*** *(фактический глава государства, член Верховного тайного совета!!! — С. В.)****, тесть обер-шталмейстера … он сам, его дочь, сыновья и зятья пришли к князю Дмитрию Голицыну умолять его пощадить арестованного, которому Верховный тайный совет уже на следующий день намеревался отрубить голову; они добились того, что жизни Ягужинского не лишили, но из заключения его не освободили: Ягужинский, так же как и Сумароков, остался в тюрьме»*.

То есть в самом Верховном тайном совете не было единства: безродные Головкин и Остерман ненавидели князей, рвущихся к власти.

Василий Лукич Долгоруков в это время нанес будущей императрице одно из самых непростительных оскорблений: он запретил Бирону покидать Митаву и вообще обращался с ним, как со слугой, хотя это был тайный муж герцогини, отец ее детей.

Василий Лукич был неотлучен от герцогини и в Митаве, и по дороге в Москву, которая снова на время стала столицей государства при императоре Петре II, и в самой Москве, все более и более раздражая будущую императрицу.

Произошло очевидное, как и во время Великого Октябрьского государственного переворота 1917 года: небольшая, но спаянная кучка большевиков, финансируемая все теми же немцами, противостояла огромной, но разрозненной, потерявшей идеологические ориентиры, рассыпанной на группировки и кланы армии упивающихся свободой социалистов и демократов, безвольно положивших свою голову на плаху палачам из Красной гвардии.

И на этот раз русские упивались свободой, теряя с похмелья последний разум. Писались все новые и новые проекты, под которыми собирались все новые и новые подписи. Только эти проекты никто не собирался читать. А тем более — проводить их в жизнь.

Когда же наступил кульминационный час, ***«императрица заявила, что она просто принимает на себя абсолютную власть, и все: она не взяла на себя ни малейших обязательств. Партия Салтыкова, тесно связанная с немцами, очень ловко провела свое дело; день начался с энергичными действиями со стороны дворянской и конституционной партии против Верховного совета*** *(«верховники» были справедливо обвинены в том, что они действовали против воли народа — С. В.)****; но едва только этот последний был низвергнут*** *(а подписанные ранее кондиции об ограничения самодержавия разорваны в клочья — С. В.)****, как конституционная партия, уже торжествующая победу*** *(«народного фронта» — С.В.)****, была обманута абсолютистами. День начался выступлениями против олигархии и, казалось, должен был закончиться установлениями в пользу дворянства; но вместо этого окончательным результатом этого дня стала реставрация абсолютной власти и рабство дворянства, еще более жестокое, чем когда-либо прежде… Это был настоящий день обманов…»***.

Через девять дней Бирон прибыл в Москву.

«Остермана, Карла-Густава фон Левенвольде и Бирена стали называть руководителями немецкой партии; и чтобы легче было раздавить русское дворянство, они с необыкновенной ловкостью принялись сеять в нем раздоры».

Два основополагающих принципа внутренней российской политики «кнута и пряника» — «разделяй — и властвуй» — действовали безотказно.

Сначала всем «активистам» несостоявшейся конституционной революции раздали пряники: 2 марта прошло назначение в Сенат, а 6 марта — был объявлен новый дворовый штат.

«Сенаторами в количестве 21 члена стали: канцлер граф Головкин; фельдмаршалы князья Голицын, Долгоруков и Трубецкой; действительные тайные советники князь Василий Лукич Долгоруков, князь Дмитрий Голицын, барон Остерман и князь Ромодановский (дядя императрицы); обер-шталмейстер Ягужинский, князь Алексей Черкасский; генерал-лейтенанты Чернышев, Мамонов, Ушаков, князь Юсупов, Семен Салтыков и князь Георгий Трубецкой; генерал-майоры Барятинский, Сукин и князь Григорий Урусов; действительные государственные советники Василий Новосильцев и граф Михаил Головкин. Салтыков отказался от должности и был заменен генерал-майором князем Шаховским; по кончине князя Ромодановского, последовавшей 16 числа того же месяца, был назначен генерал-майор Тараканов».

К власти пришла семья Салтыковых, и Семен Салтыков не желал размениваться по мелочам, зная о том, что Сенат в правлении Анны Иоанновны не будет обладать никакой реальной властью, а вот двор, где и решались теперь все главные вопросы государственной жизни, его интересовал гораздо больше: ***«… граф Рейнгольд фон Левенвольде был назначен дворцовым обер-гофмаршалом; Семен Салтыков***

стал обер-гофмейстером двора в чине генерал-аншефа. Были назначены шесть камергеров: Балк-Полев, Степан Лопухин, князь Александр Куракин, шурин фельдмаршала Голицына, Петр Салтыков, сын Семена, князь Алексей Голицын, сын князя Дмитрия, и Бирен; были назначены также четыре камер-юнкера: князь Борис Юсупов, Василий Стрешнев, зять Остермана, и двое курляндцев: барон Иоганн-Альбрехт Корф и фон дер Бринкен. Дядя по материнской линии императрицы, Василий Салтыков, был назначен московским генерал-губернатором, действительным тайным советником, был пожалован голубой лентой и титулом графа…».

Долгоруковых при дворе уже не было.

Но это было только начало.

«Немецкая партия, возглавлявшаяся Биреном и Карлом-Густавом Левенвольде, задумала, как я уже говорил, весьма искусный ход, чтобы поссорить между собой Долгоруковых и Голицыных и затем порознь изничтожить оба семейства. 6 марта, в самый день образования нового двора, при котором Голицыны заняли значительное положение, в этот самый день генерал-лейтенанты Ушаков и князь Юсупов получили приказ отыскать и вернуть ценные вещи, лошадей, охотничьих собак и т. д., принадлежащих двору, но которыми завладел князь Алексей и его сын Иван в дни своего всемогущества. Не подлежит сомнению, что они прибрали к рукам великолепные бриллианты, конфискованные у Меншикова, некоторые драгоценные камни, принадлежавшие короне, и часть дворцовой посуды; они поставили в свои конюшни лучших лошадей и забрали лучших охотничьих собак императорского двора. Поступки, что и говорить, не делавшие им чести, но их предшественник, всемогущий Меншиков, занимался тем же на протяжении всей своей жизни, и с большим размахом; а Бирен, наследовавший их всемогущее влияние, довел лихоимство и грабеж до пределов неслыханных ни до него, ни после. И не Бирену, конечно, и не русским

придворным было бросать первый камень в князей Алексея и Ивана: те преступили закон, а пуще того, понятия чести, но в России законы никогда не соблюдались сильными мира сего, а честь для большинства российских придворных всегда была лишь пустым звуком».

Но немцы и делали свое подлое дело чужими руками, готовя плацдарм для решительного удара. Все ждали только родов Государыни-невесты императора Петра II, княгини Екатерины Долгоруковой: она разрешилась 1 апреля мертвой девочкой.

«… а уже через неделю разразилась гроза. 8 апреля князь Василий Лукич был назначен губернатором Сибирским; князь Михаил, брат фельдмаршала, был определен на место губернатора Астраханского; князь Иван, брат Алексея и Сергея, был послан воеводой в Вологду, а двое друзей семьи Долгоруковых также были удалены от двора: Иван Волынский был отправлен вице-губернатором в Нижний, а Еропкин, первый комендант города Москвы, получил приказ прибыть в войска, кантонированные на границе с Персией. На следующий день, 9 апреля, князь Александр, другой брат Алексея и Сергея, был назначен воеводой в маленький городишко Алатырь, в 617 верстах от Москвы, а князья Алексей и Сергей отосланы в их самые отдаленные поместья…

…12 июня последовал новый указ. Князь Алексей вместе с семьей высылался в Березов, где должен был содержаться в тюрьме наистрожайшим образом. Его братья, князья Сергей и Иван, высылались вместе с семьями, первый — в Раненбург, второй — в Пустозерск; князь Василий Лукич был сослан в Соловецкий монастырь на Белом море; самый молодой из братьев князя Алексея, Александр, был отправлен на Каспийскую флотилию служить простым лейтенантом; их сестра, г-жа Салтыкова, вышедшая замуж за дядю императора по материнской линии, но покинувшая своего супруга, который бил ее и тиранил, была заключена в монастырь в городе Нижнем Новгороде…

15 июля последовал новый указ: имущество и поместья князя Алексея, его сыновей, его братьев, Ивана и Сергея, и князя Василия Лукича были конфискованы».

Но это была только еще прелюдия…

«Жена князя Алексея приехала в Березов совсем больная и умерла через несколько недель… В ссылке и в несчастье князь Алексей стал еще неприятнее, чем прежде, и сделал невыносимой жизнь своим детям, особенно Ивану и Екатерине, обвиняя их в том, что они не заставили Петра II вовремя подписать завещание, которое, будь оно провозглашено еще при жизни самодержца, было бы куда труднее оспорить; он даже не раз их поколачивал. Наконец, в 1734 году он умер и был погребен рядом со своей женой *(и где-то рядом с Александром Даниловичем Меншиковым, который тоже закончил свой жизненный путь в Березове — С. В.)».*

В столице тем временем добивали остатки семейства Долгоруковых: ***«Князь Гессенский донес в декабре 1731 года, что жена фельдмаршала Долгорукова в присутствии нескольких лиц делала оскорбительные замечания насчет императрицы; большего и не требовалось. Тотчас были арестованы и фельдмаршал, и его супруга, и лица, виновные в том, что слушали эти замечания и не донесли: племянник фельдмаршала, князь Егор Юрьевич Долгоруков, гвардейский капитан; князь Алексей Барятинский и Юрий Столетов, оба гвардейские офицеры. Трое последних были подвергнуты пыткам; для суда над обвиненными были созваны Сенат и генералитет; с низкопоклонством, достойным русских судей, они вынесли всем смертный приговор. Императрица смягчила приговор: фельдмаршал и его жена были приговорены к конфискации имущества и к пожизненному заключению в Шлиссельбурге; но потом им позволили жить в Ивангороде (близ Нарвы), под надзором небольшого отряда солдат. Трое других были приговорены к конфискации имущества и пожизненным каторжным работам в Сибири:***

князь Егор в Кузнецке, Барятинский в Охотске, Столетов в Нерчинске».

А далее было еще хуже.

«…несчастья семьи Долгоруковых на этом не кончились. Как часто бывает в мире сем, одно счастливое событие стало первопричиной ужасной катастрофы.

Хитрый и ловкий барон Шафиров добился от Бирена прощения для своего зятя князя Сергея Долгорукова, сосланного в деревню: речь заходила даже о его назначении на дипломатический пост. Остерман, враг Шафирова, опасался возобновления влияния этого последнего; Ушаков, враг Долгоруковых, боялся их мести; и, наконец, Волынский, быстро сделавшийся изрядно важной особой, отнюдь не хотел видеть вторичного появления на придворном небосклоне некогда столь ярких звезд. Они объединили свои усилия с тем, чтобы убедить Бирена в той опасности, которую несло возвращение на сцену семьи, причиной несчастий которой он как раз и являлся. Бирену доказали, что для его пользы необходимо полностью раздавить Долгоруковых. Глава Тайной канцелярии взялся найти предлог…».

Найти его было несложно: Долгоруковы в Березове вели, по отзывам П. В. Долгорукова, их родственника, беспутную жизнь. Князь Иван пил горькую, забросив семью (его женой была дочь фельдмаршала Шереметева, последовавшая за ним в ссылку и родившая здесь двух сыновей).

Государыня-невеста «имела связь» с лейтенантом Овцыным, который войдет в большую историю совсем по другому поводу — как участник Второй Камчатской экспедиции. ***«Екатерина так низко пала, что среди претендентов на ее милости был некто Осип Тишин, подьячий Тобольской таможни»***, у которого на этой почве случился конфликт с Дмитрием Овцыным — он ***«нещадно избил Тишина, который поклялся им отомстить»***.

Справедливости ради скажем, что во многих исторических романах у лейтенанта Овцына другая — благородная — роль блюстителя чести государыни-невесты, ее защитника и кавалера.

О «беспутном» Иване тоже есть совершенно противоположное мнение, принадлежащее… его собственной жене, которое князь Долгоруков приводит без каких-либо купюр:

«Я не постыжусь описать его добродетели, потому что я не лгу. Не дай Боже что написать неправедно. Я сама себя тем утешаю, когда вспомню все его благородные поступки, и щасливу себя щитаю, что я ево ради себя потеряла, без принуждения, из своей доброй воли. Я все в нем имела: и милостиваго мужа, и отца, и учителя, старателя о спасении моем; он меня учил Богу молитца, учил меня к бедным милостивою быть …всегда твердил о незлобие, чтоб никому зла не помнила. …Он рожден был в натуре ко всякой добродетели склонной, хотя в роскошах и жил, яко человек, только никому зла не сделал и никово ничем не обидел, разве што нечаянно».

Не будем судить их — наверное, каждый по-своему прав.

И княгиня Наталья, пережившая мужа и бывшая свидетелем всех его предсмертных мучений, конечно же простила мужу все, что в «нечаянности» он совершал.

Долгое время ищейки из Тайной канцелярии не знали, за что зацепиться. Пьяный дебош и коллективные попойки в Березове ссыльных Долгоруковых с горожанами не тянули на государственную измену, хотя всех сопричастных к гулянкам разослали по дальним окраинам империи на каторгу.

Случай образовался как бы сам собой.

«В Тобольске князь Иван был брошен в тюрьму, где его приковали цепью к стене; руки и ноги сковали кандалами; ему не давали спать и довели до такого нервного возбуждения, что он начал говорить о прошлом и, ловко направляемый вопросами, рассказал об изготовлении подложного завещания императора, имевшем место в Москве в январе 1730 года».

То есть разоблачителем семейной тайны Долгоруковых о подложном завещании был сам князь Иван Алексеевич.

Шел 1739 год. Собственно, это был уже закат империи Анны Иоанновны, и ее сторонники, по всей видимости, подчищали свои следы в отечественной истории, избавляясь от живых свидетелей: вероятно, по этой же самой причине неожиданно всплывут чуть позже родовые имена двух друзей Долгоруковых — Волынского и Еропкина, но об этом отдельный разговор.

Ссыльных Долгоруковых свозят в Новгород.

И вот здесь открывается нечто новое.

«Допросы протекали с суровостью, доходящей порой до свирепости: основное место в них занимали пытки. Палачи сумели опоить младшего брата князя Ивана, Александра, и таким образов вырвали у него признания, весьма компрометирующие всю семью. Придя в себя, в приступе отчаяния, он схватил нож и вспорол себе живот. Но эта попытка самоубийства была вовремя замечена и на рану наложили швы, что и спасло ему жизнь».

Странно, но князь Петр Долгоруков не пишет о том, что такого из ряда вон выходящего мог сообщить палачам юный князь.

«Постановлением императрицы князь Иван приговаривался к четвертованию; его дядья, князья Сергей и Иван, и князь Василий Лукич — к обезглавливанию; фельдмаршал Долгоруков и его брат Михаил — к конфискации имущества и заточению, один — в Соловецком монастыре, другой — в Шлиссельбургской крепости. Одного из братьев князя Ивана, 26-летнего Николая, приговорили к урезанию языка и к ссылке на каторгу в Охотск; 23-летнего Алексея пожизненно сослали на Камчатку простым матросом; Александра, которому был 21 год, сослали на каторгу на Камчатку; всех троих братьев били кнутом, а их трех сестер заточили в монастыри. Из четырех двоюродных братьев, детей

князя Сергея, двоих старших, Николая и Петра, забрили простыми солдатами; двоих младших, Григория и Василия, определили учиться ремеслу: младшего, Василия, поместили к кузнецу с запретом обучать его чтению и письму».

Об охотско-камчатской судьбе братьев Долгоруковых практически ничего не известно, кроме разве того, что доставил арестанта Александра Долгорукова на полуостров сержант Охотской команда Емельян Софронович Басов, который стал основоположником промысловой деятельности в будущей Русской Америке и закончил свой жизненный путь на Нерчинской каторге.

«…Князь Алексей, сосланный на Камчатку простым матросом, пристрастился там к беспутному пьянству. Вернувшись из ссылки *(при императрице Елизавете — С. В.)* ***и став морским офицером, он женился на княжне Мышецкой и имел от нее сына Григория, умершего холостым в 1812 году, человека достойного и уважаемого, одного из главных русских франкмасонов своего времени. Овдовев, князь Алексей вновь женился на вдове Плещеева; от нее у него был сын Иван и дочь, жена князя Петра Меншикова. Вторично овдовев, он сделал своей любовницей жену одного матроса, от которой у него было четверо сыновей: Павел, Яков, Алексей и Андрей; после смерти мужа-матроса князь Андрей*** *(Алексей — С. В.)* ***женился на своей любовнице; четверо мальчуганов присутствовали на венчании своей матери; когда священник, согласно обряду, трижды обводил новобрачных вокруг стоящего посреди церкви налоя, на котором находился крест, то все четверо мальчуганов следовали за матерью, пришпиленные к ее юбке розовыми лентами; некогда в России это называлось «привенчивание» и означало законное признание детей. Позднее, в царствование императора Николая, один из этих мальчиков, Алексей, стал министром юстиции».***

Блуд в те времена не считался большим грехом. Блудил Петр I, блудили его царствующая жена, дочь и племянница,

блудили придворные, порождая бесконечных Чернышевых, Румянцевых, Бирона, Таракановых, Бецких, Лицыных, Руковых…

Так что поступок князя Алексея Алексеевича Долгорукова, признавшего своих безродных детей, был заурядным для того времени — тем более, что эти дети признавались законом с правом потомственного дворянства и не выпадали из аристократической семейной «обоймы».

А вот история, случившаяся в роду его брата Александра, была из ряда вон выходящей.

Но начнем по порядку.

Итак, Александр Алексеевич во время допроса в Вологодской тюрьме дал сыщику себя напоить, что на самом деле было проще простого. В последовавшем разговоре молодой человек признался во всех тех делах, причастность к которым отвергали под пыткой другие Долгоруковы. Но что он мог знать, не участвуя ни в чем и будучи в ссылке с детского возраста? Но, как пишут, на основании его показаний в 1739 году «дело Долгоруковых» было пересмотрено. Может быть, Александр, а не Иван, выдал тайну о подложном завещании, о котором молчали эти годы все, кто знал о нем, в том числе и Головкин.

Александр Алексеевич Долгоруков пытался покончить с собою в тюрьме. Ему разрешили пригласить цирюльника. Во время бритья он выхватил бритву и нанес себе тяжелую рану в живот. Несмотря на большую кровопотерю, его удалось спасти. Этот поступок, вполне вероятно, выражавший чувство раскаяния молодого человека в проявленной слабости, не изменил, однако, отношения к нему в семье. Долгие годы даже его сыновей родственники именовали «проклятым племенем»…

28 октября 1740 года Александру Алексеевичу Долгорукову вырвали ноздри, урезали язык и после битья кнутом сослали на каторжные работы на Камчатку. Не удивительно, что его портрет не известен истории…

Любопытно, что Анна Иоанновна накануне казни издала указ о помиловании его, заменив экзекуцию ссылкой на каторжные работы, но указ (умышленно или неумышленно) пришел с опозданием на две недели, когда экзекуция уже была совершена и ноздри вырваны, а язык усечен. И не этот ли указ как раз и стал основанием для проклятия рода Александра Долгорукова?

В конце 1741 года императрица Елизавета Петровна издает именной указ о возвращении князя Александра Долгорукова из камчатской ссылки.

«Младший из братьев императорской невесты, князь Александр Долгоруков, вернувшись из ссылки, женился на Матюшкиной, отец которой, Кирилл Петрович, был троюродным братом Петра I и двоюродным дядей графа Матюшкина. …По возвращении из ссылки его братья и сестры не захотели более с ним знаться; родня звала его детей не иначе как «проклятое племя», и так продолжалось до тех пор, пока старший его сын, Александр, не добился благосклонности императора Павла, назначившего его сенатором и действительным тайным советником. В России императорская благосклонность превосходит все: прекратилась и эта вендетта».

В 1747 году вдова Анна Яковлевна Шереметева (дочь неподкупного сподвижника Петра I, князя Якова Федоровича Долгорукова), владелица села Большое Петровское (впоследствии — Большепетровское) Юрьевского уезда, завещала его своему родственнику, князю Александру Алексеевичу Долгорукову (1718–1782).

После кончины Александра Алексеевича Долгорукова в 1784 году в права наследования селом Петровским вступили три его сына из «проклятого племени»: Федор, Михаил и Александр.

Александр Александрович Долгоруков (1746–1805) и Федор Александрович Долгоруков (1747–1801) не были женаты и не оставили наследников. Их сестра Анна Александровна

Долгорукова (1760–1842), вышедшая замуж за Александра Никитича Лопухина (ум. 1784), также не оставила наследников.

Третий из братьев, Михаил Александрович Долгоруков (1758–1817), гвардейский капитан и камергер Двора, был женат на Екатерине Петровне Бакуниной (1763–1798).

После кончины братьев в 1801 и 1805 году имение перешло в полную собственность М. А. Долгорукова, а после его смерти в 1817 году досталось его младшему сыну, М. М. Долгорукову.

И здесь открывается очередная страница в попытке рода князей Долгоруковых породниться с русскими царями.

Михаил Михайлович родился 17 марта 1790 года.

15 февраля 1808 года определен на службу. Принимал участие в русско-шведской войне. 3 мая 1809 года переведен в Белозерский пехотный полк, а 3 октября 1810 года в лейб-гренадерский. 11 ноября 1811 года переведен в лейб-гвардейский Литовский полк. В 1814 году назначен адъютантом при военном министре. 28 января 1816 года произведен в капитаны. 24 января 1817 года уволен со службы.

В мае 1831 года был отправлен в ссылку в Вятку. Как сообщали вятские газеты, «по Высочайшему повелению выслан был из Москвы в Вятку отставной гвардии капитан, князь Михаил Михайлович Долгоруков за гнусные и дерзкие поступки». По сообщению тех же газет, Долгоруков был сумасбродом, алкоголиком, человеком несдержанным и очень жестоким. За любую провинность он жестоко наказывал свою прислугу. Ехавший вместе с ним из Москвы в Вятку поручик Лавров вспоминал потом, что из-за жестокости князя многие его слуги бежали во время пути. Долгоруков пытался застрелить поручика Лаврова, но последнему удалось отобрать у него оружие. В первый же день ссылки в Вятке Долгоруков жестоко избил женщину и мальчика. В газетах тех лет писали: «До такой степени ожесточился, что избил дворовую свою женщину и окровавил лицо ее

до чрезвычайности, а мальчика до того отодрал за ухо, что надорвал оное». После чего в августе 1831 года по распоряжению Императора вся его прислуга была отослана обратно домой. 28 апреля 1832 года по просьбе губернатора Долгорукова выслали в Пермь.

Скончался Долгоруков 24 апреля 1841 года в Верхотурье, в ссылке.

Это о нем писал А. Герцен (а позже героем этого анекдота сделали Петра Владимировича Долгорукова, тоже отбывавшего ссылку в Вятке за свои первые разоблачительные «предерзкие» публикации):

«Князь Долгоруков принадлежал к аристократическим повесам в дурном роде, которые уже редко встречаются в наше время. Он делал всякие проказы в Петербурге, проказы в Москве, проказы в Париже. На это тратилась его жизнь. Это был <…> избалованный, дерзкий, отвратительный забавник, барин и шут вместе. Когда его проделки перешли все границы, ему велели отправиться на житье в Пермь».

Местное «высшее общество» было обрадовано прибытием из столицы столь важной персоны. Приехал он на двух каретах: в одной сам с собакой Гарди, в другой повар с попугаями. Он устраивал роскошные приемы, был хлебосолен, хотя порой позволял себе сумасбродные выходки. Появилась у него и премилая любовница из местных барышень. Однако она имела неосторожность из ревности наведать его утром без предупреждения и застала его в постели с горничной.

На гневные упреки обманутой любовницы он встал, накинул на плечи халат и снял со стены арапник. Поняв его намерения, она бросилась бежать, он — за ней. Сцена завершилась на улице при свидетелях. Нагнав ее, он хлестнул несколько раз свою обидчицу и, успокоившись, вернулся домой.

«Подобные милые шуткинавлекли на него гонение пермских друзей, и начальство решилось сорокалетнего шалуна отослать в Верхотурье. Он дал накануне отъезда богатый обед,

и чиновники, несмотря на разлад, все-таки приехали: Долгоруков обещал их накормить каким-то неслыханным пирогом.

Пирог был действительно превосходен и исчезал с невероятной быстротой. Когда остались одни корки, Долгоруков патетически обратился к гостям и сказал:

— Не будет же сказано, что я, расставаясь с вами, что-нибудь пожалел. Я велел вчера убить моего дорогого Гарди для пирога.

Чиновники с ужасом взглянули друг на друга и искали глазами знакомую всем датскую собаку: ее не было. Князь догадался и велел слуге принести бренные остатки Гарди, его шкуру; внутренность была в пермских желудках».

«После столь отменной шутки Долгоруков весело и торжественно отбыл в Верхотурье, отрядив специальную повозку курятнику. Делая остановки на почтовых станциях, он собирал приходные книги, перепутывал их, подправив даты отъезда и приезда, после чего возвратил, приведя в замешательство все почтовое ведомство.

Подобные шутейства демонстрируют не столько барские причуды, сколько наглость самодура, уверенного в своей безнаказанности по причине своего привилегированного положения и возможности откупиться от "слуг закона". Причуды такого рода сошли на нет после отмены крепостного права и общей либерализации российского общества. А во времена Федора Толстого или упомянутого Долгорукова была возможность проявлять свои дурные наклонности.

На них не оказывало благотворного влияния учение Иисуса Христа. Это лишний раз доказывает важность не формальной принадлежности к той или иной религии, а внутреннего убеждения, веры в высокие идеалы и следование им по мере собственных сил. Даже в том случае, когда самодур проявлял необычайную набожность, она выглядела не столько подлинной верой, сколько суеверием, формальным исполнением обрядов» *(«100 великих оригиналов и чудаков. М. М. Долгоруков», М., 2009).*

Михаил Михайлович был женат на Софье де Рибас (ум. 1827), дочери адмирала Осипа Михайловича Дерибаса, основателя города Одессы, и Анастасии Ивановны Соколовой (1741–1822), внебрачной дочери Ивана Ивановича Бецкого, президента Императорской Академии художеств при Екатерине II, внебрачного, в свою очередь, сына князя Трубецкого.

Их сын — гвардейский капитан князь Михаил Михайлович Долгоруков (1816–1871) был женат на богатейшей помещице из Малороссии Вере Гавриловне Вишневской — сестре декабриста Федора Гавриловича Вишневского, праправнучки того самого полковника Вишневского, который привез из Малороссии в Петербург пастуха Алешу Розума, ставшего фаворитом Елизаветы Петровны.

Михаил Михайлович, унаследовавший крупное состояние, умер рано, оставив в наследство семье множество долгов. Осиротевших Долгоруковых на попечение взял сам государь. Кредиты были выплачены, а дети определены в учебные заведения.

Дочь, Екатерина Михайловна, поступила в Смольный институт благородных девиц. Она выделялась среди воспитанниц этого аристократического учебного заведения редкой красотой. Попечительницей Смольного института была императрица Мария Александровна, урожденная принцесса Гессенская, — супруга Александра II. По легенде, «царь обратил внимание на юную Екатерину Михайловну как раз в тот день, когда императрица неважно себя чувствовала и не смогла поехать с мужем на традиционное чаепитие в Смольный. Именно с этой встречи началась ее восторженная влюбленность в императора. Катеньке на тот момент исполнилось 17 лет. Невысокая, ладно сложенная, с пышными волосами и наивным взглядом, девушка не могла не привлечь к себе внимания Александра II, слывшего большим женолюбом. И царь ее запомнил».

Екатерина Михайловна Долгорукова,
Светлейшая Княгиня Юрьевская

Часто Екатерину Михайловну Долгорукову воспринимают негативно. «Фаворитка», «Любовница», «Увела», «Разбила семью»… Но если присмотреться внимательнее к разбитой семье, то начинаешь понимать, что разбивать там ничего не нужно было — все и так давно рассыпалось, еще до появления Кати Долгоруковой при дворе.

В юности Александр II был страстно влюблен в Ольгу Калиновскую, фрейлину двора, польку, католичку. Ольгу очень быстро выдали замуж, а Александра отправили в Европу — знакомиться с иностранными принцессами и искать будущую супругу. Там он остановил свой выбор на 15-летней принцессе Гессен-Дармштадтской. Юное создание с огромными глазами и детскими локонами вызвало в Цесаревиче желание оберегать и заботиться. Поскольку никого более эффектного он тогда не встретил, то решил жениться именно на Марии. «Единственное мое желание — обрести достойную подругу, которая бы украсила мой семейный очаг и доставила высшее счастье на земле — счастье супруга и отца», — напишет он родителям. Происхождение Марии было довольно смутным, но официально герцог признал ее своей дочерью, потому она все же считалась принцессой. И все же Александр Николаевич прогадал… В 15 лет еще очень сложно угадать, каким впоследствии будет характер человека. Пятнадцатилетняя Мари, приехав в Петербург, очаровала всех и каждого. Поначалу и сам Цесаревич, казалось, был влюблен и абсолютно счастлив. Но постепенно отношения в семье стали портиться: Александр не отказывал себе в удовольствии пококетничать с фрейлинами, Мария стала рабой этикета и правил. Детская непосредственность и веселость совершенно исчезли, Императрица превратилась в сухую и строгую немецкую фрау, а Государь таких женщин не воспринимал, ему нужно было совсем другое.

Очень хорошо об этом пишет П. Н. Краснов в романе «Цареубийцы»: «***В семье не было отдыха. Там была не жена — но Государыня Императрица, не дети, но Наследник Цесаревич и Великие Князья. Там был тот же строгий этикет Императорской Фамилии.***

С годами потянуло Государя к спокойному, не дворцовому, а домашнему очагу. Этот очаг ему создала в 1868-м году молодая девушка княжна Екатерина Михайловна Долгорукая.

Государю было пятьдесят лет. Долгорукой — семнадцать, когда они сошлись. Девушка «с газельими глазами» сумела простотою обращения, иногда доходившей до грубости, пленить Государя, и он полюбил ее крепкой, последней любовью».

Изменилось и отношение царя к жене, о чем пишет С. Д. Шереметев: ***«Видел я ее не раз на больших придворных балах: стройная, худая, вся усыпанная бриллиантами, с прическою в мелких завитках, она показывалась как бы нехотя, была любезна, говорила умные речи, всматривалась***

пристально и проницательным взглядом; всегда сдержанная, она, скорее, недоговаривала, чем говорила лишнее. Она как бы исполняла скучную обязанность, и когда говорила, можно было подумать, что она хочет сказать: «Видите, я с вами говорю, потому что это принято, что это — долг, но до вас мне нет никакого дела; у меня есть внутренняя жизнь, доступная избранным, все остальное — служба, долг, скука»… Сдается мне, что Государю Александру Николаевичу было душно с нею».

Императрица Мария Александровна

Примечателен и такой случай: в 1867 году в Ницце, где умирал царевич Николай, она целую неделю не могла навестить умирающего сына только потому, что время послеобеденного сна Николая изменилось и стало совпадать со временем ее прогулки. А перенести прогулку на другое время Мария Александровна ну никак не могла… Когда Марию Александровну спросили, почему нельзя совершать прогулки в другое время, та ответила: «Это мне неудобно».

И на фоне всего этого в жизни Государя появляется Екатерина Долгорукова. Можно ли винить ее в крахе семье? Думаю, что нельзя.

Отцом Катеньки был отставной капитан гвардии Михаил Долгоруков, а матерью — Вера Вишневская, одна из богатейших украинских помещиц. Правда, к концу 50-х годов XIX века богатство семейства Долгоруковых было уже в прошлом. В полтавское имение Долгоруковых однажды и заехал Император в гости после очередных маневров.

Катеньке было тогда чуть больше десяти, но она очень хорошо запомнила этого большого, статного мужчину с пышными усами и ласковым взглядом. Он сидел на веранде после обеда, а она пробегала мимо. Он окликнул ее, спросив, кто она такая, а она важно ответила:

— Я — Екатерина Михайловна.

— А что ты ищешь здесь? — полюбопытствовал Александр Николаевич.

— Я хочу видеть императора, — чуть смутившись, призналась девочка.

Эта история очень развеселила Государя. Он решил помочь обедневшей дворянской семье и распорядился принять дочерей Долгоруковых, Екатерину и Марию, в самое престижное женское учебное заведение того времени — Смольный институт.

Итак, Катя и ее младшая сестра Мария были помещены в Смольный институт. Уже там девушки выделялась своей красотой. Старшая сестра была девушкой среднего роста, с изящной фигурой, изумительно нежной кожей и роскошными светло-каштановыми волосами. Лицо ее казалось словно выточенным из слоновой кости, а еще у нее были удивительно выразительные светлые глаза и красиво очерченный рот. В Смольном Катюше не очень нравилось, единственное, что скрашивало пребывание там, — частые визиты Императора.

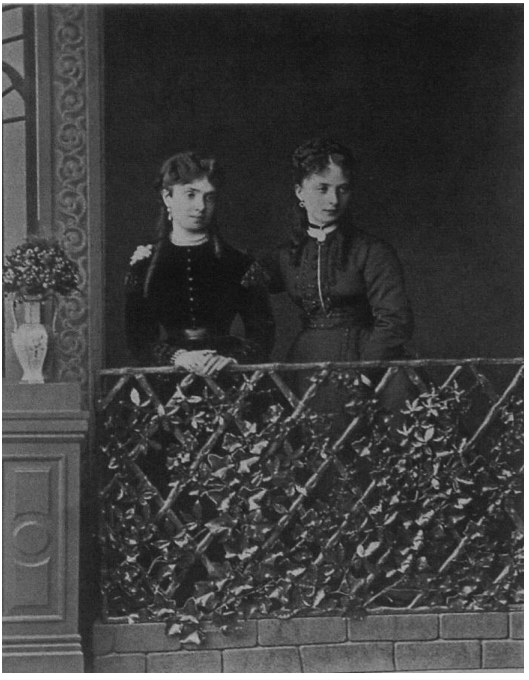
«Несмотря на все заботы директрисы, я так никогда не смогла привыкнуть к жизни вне семьи, в окружении чужих мне людей, я стала чаще болеть. Император, узнав о нашем прибытии в Смольный, приехал меня по-отечески навестить; я была так счастлива его видеть, его визиты придавали мне мужества. Когда я была больна, он навещал меня в лазарете. Я обращалась к нему как к ангелу-хранителю, зная, что он не откажет мне в своем покровительстве. Так, однажды, когда пища была особенно плохой, и я страдала от голода, не зная, к кому обратиться, я пожаловалась ему, и с того дня он приказал кормить меня за столом директрисы и подавать мне то, что я пожелаю. Он посылал мне конфеты, и я не могу описать то обожание, которое я испытывала к нему. Наконец мое заточение кончилось, я покинула институт, имея всего 16 с половиною лет. Совсем еще ребенок, я совершенно потеряла предмет своей привязанности, и лишь год спустя, по счастливой случайности, встретила императора 24 декабря 1865 года в Летнем саду. Он сначала не узнал меня… Этот день стал памятен для нас, ибо, ничего не говоря друг другу и, может быть, не понимая еще того, наши встречи определили нашу жизнь.

Надо прибавить, что мои родители в то время делали все, чтобы развлечь меня, вывозили меня в свет, целью их было выдать меня замуж. Но каждый бал удваивал мою печаль; светские увеселения были противны моему характеру, я любила уединение и серьезное чтение. Один молодой человек очень старался мне понравиться, но мысль о браке неважно с кем, без любви, казалась мне отвратительна, и он отступил перед моей холодностью».

О зарождающемся чувстве Екатерина пишет в своих «Записках», которые опубликовала на склоне лет, живя в Ницце:

«В тот день (день покушения) я была в Летнем саду, император говорил со мной как обычно, спросил, когда я собираюсь навестить сестру в Смольном, и когда я сказала, что

отправлюсь туда сегодня же вечером, что она меня ждет, он заметил, что приедет туда, только чтобы меня увидеть. Он сделал ко мне несколько шагов, дразня меня моим детским видом, что меня рассердило, я же считала себя взрослой. До свидания, до вечера, — сказал он мне и направился к решетчатым воротам, а я вышла через маленькую калитку возле канала.

По выходе, я узнала, что в императора стреляли при выходе из сада. Эта новость потрясла меня настолько, что я заболела, я столько плакала, мысль, что такой ангел доброты имеет врагов, желающих его смерти, мучила меня. Этот день еще сильнее привязал меня к нему; я думала лишь о нем и хотела выразить ему свою радость и благодарность

Богу, что он спасся от подобной смерти. Я была уверена, что он испытывает такую же потребность меня увидеть. Несмотря на волнения и дела, которыми он был занят днем, он вскоре после меня приехал в институт. Эта встреча стала лучшим доказательством, что мы любим друг друга.

Вернувшись домой, я очень долго плакала, так я была растрогана видеть его счастливым от встречи со мной, и после долгих раздумий решила, что сердце мое принадлежит ему и я не способна связать свое существование с кем бы то ни было. На следующий день я объявила родителям, что предпочитаю умереть, чем выйти замуж. Последовали бесконечные сцены и расспросы, но я чувствовала в себе небывалую решимость бороться со всеми, кто пытался выдать меня замуж, и поняла, что эта поддерживающая меня сила была любовью. С того момента я приняла решение отказаться от всего, от светских удовольствий, столь желанных юным персонам моего возраста, и посвятить всю свою жизнь счастью Того, кого любила.

Я имела счастье вновь его увидеть 1 июля. Он был на коне, и никогда я не забуду его радость при встрече. В тот день мы впервые оказались наедине и решили не прятать то, что нас переполняло, счастливые от возможности любить друг друга. Я объявила ему, что отказываюсь от всего, чтобы посвятить себя любви к нему, и что не могу больше бороться с этим чувством. Бог свидетель невинности нашей встречи, которая стала истинным отдохновением для нас, забывших целый свет ради чувств, внушенных Богом. Как чиста была беседа в те часы, что мы провели вместе. А я, еще не знавшая жизни, невинная душой, не понимала, что другой мужчина в подобных обстоятельствах мог бы воспользоваться моей невинностью, но Он вел себя со мной с честностью и благородством человека, любящего и уважающего женщину, обращался со мной как со священным предметом, без всякого иного чувства — это так благородно и прекрасно!»

В 1866 году в Петергофе праздновалась очередная годовщина свадьбы Николая I и Александры Федоровны. В трех верстах от главного Петергофского дворца находился небольшой замок Бельведер, покои которого предоставили гостям праздника. Сюда и привезли ночевать Екатерину Долгорукову, и здесь-то она впервые отдалась императору. В ту же ночь он сказал ей:

— Сейчас я, увы, несвободен, но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне я считаю тебя своей женой перед Богом, и я никогда тебя не покину.

Заметим, что «стать свободным» Александр мог только после смерти своей законной жены, императрицы Марии Александровны, тогда уже часто хворавшей. Так что клятва его, которую он обязательно сдержит, звучала как-то жутковато.

Об этом событии Екатерина писала так:

«26 августа мы провели памятный день. Он поклялся мне перед образом, что привязан ко мне навсегда и единственная его мечта — жениться на мне, если когда-нибудь он станет свободен. Он потребовал от меня такой же клятвы, которую я дала с радостью».

Если изначально встречи были тайными, то со временем о новой фаворитке Царя узнали все, в том числе и Мария Александровна.

По свидетельству графини А. А. Толстой, при дворе все сначала приняли новый роман императора за очередное увлечение. В своих «Записках фрейлины» она пишет:

«Я не приняла в расчет, что его преклонный возраст увеличивал опасность, но более всего я не учла того, что девица, на которую он обратил свой взор, была совсем иного пошиба, чем те, кем он увлекался прежде… Хотя все и видели зарождение нового увлечения, но ничуть не обеспокоились, даже самые приближенные к императору лица не предполагали серьезного оборота дела. Напротив, все были весьма далеки от подозрения, что он способен на настоящую любовную интригу; роман, зревший в тайне. Видели лишь происходившее на глазах — прогулки с частыми, как бы случайными встречами, переглядывания в театральных ложах и т. д. и т. п. Говорили, что княжна преследует императора, но никто пока не знал, что они видятся не только на публике, но и в других местах, — между прочим, у ее брата князя Михаила Долгорукого, женатого на итальянке».

Когда княжна Долгорукая, смущенно оглядываясь и прикрывая стыдливо лицо, стала регулярно появляться у императора, придворные, посвященные в тайны царских покоев, зашушукались. Слухи быстро дошли до родственников княжны, и те поспешили увезти ее в Неаполь. Однако уже в июне 1867 года Александр прибыл в столицу Франции. Узнав об этом, примчалась туда и Екатерина, и французская полиция, бдительно следившая за безопасностью русского высокого гостя, начала аккуратно фиксировать его ежедневные тайные свидания, ставя о них в известность своего монарха. Теперь вновь ничто не могло помешать их любви. Они встречались в Елисейском дворце, где поселился Александр и где тоже было немало потайных лестниц и комнат. Сама Екатерина жила в скромной гостинице, а по вечерам через потайную калитку на улице Габриэль и авеню Мариньи приходила к своему возлюбленному. Она была счастлива и писала:

«Как лихорадочно ждали мы этой минуты счастья после пяти месяцев мучений. Наконец настал счастливый день, и мы поспешили в объятия друг друга».

После этого так надолго оставаться без своей Кати Государь не захотел.

«Мои родители объявили, что они решили не возвращаться в Россию, — для меня это был слишком жестокий удар… Я немедленно телеграфировала ему, спрашивая, что мне делать, и получила категорический ответ: в таком случае возвращаться одной, а что касается моего устройства — он позаботится. Я поспешила к родителям и заявила, что уезжаю завтра же, что желаю им счастья, но сама лучше умру, чем буду вести это бродячее существование. Они все поняли, и при виде моей энергии поехали со мной. Император был потрясен моим болезненным состоянием, но состояние духа помогло мне… Часы, что мы проводили вместе, всегда казались нам слишком краткими, но счастье разделять радость и счастье было нашей жизнью».

Первенец этой любви появился на свет в апреле 1872 года, это был мальчик, его назвали Георгием. На следующий год у царя родилась дочь — Ольга. Увеличение числа незаконных отпрысков еще больше обеспокоило царственное семейство, но Александр Николаевич каждый раз впадал в страшный гнев при малейшем намеке на необходимость порвать эту связь. Вскоре у княжны Долгорукой родился и третий ребенок — дочь Екатерина.

Так уж вышло, что Екатерина Долгорукая ради любви к императору навсегда погубила свою репутацию, пожертвовала не только жизнью в свете с присущими ей развлечениями, но и вообще нормальной семейной жизнью. Когда же у них родились сын и две дочери, у нее появилась новая печаль: ее дети были незаконнорожденными «бастардами». Александр II очень гордился сыном, говорил со смехом, что

в этом ребенке больше половины русской крови, а это такая редкость для дома Романовых…

«Александр был обречен на одиночество. И, наверное, не случайно, что единственным человеком, с которым он пытался это одиночество разделить, с которым был свободным и откровенным до конца, стала Катя Долгорукая — глупенькая, предельно далекая от понимания государственных дел, но любящая и преданная беспредельно; ее Александр II, несомненно, воспринимал как часть самого себя».

Некоторые современники утверждали, что император смотрит на мир глазами Долгорукой, говорит ее словами. Но, похоже, дело обстояло гораздо сложнее. Александру II был нужен человек, который мог бы его выслушать, человек живой и сопереживающий ему. И любящая его Екатерина Долгорукая постепенно вошла в суть многих дел, которые волновали государя, выслушивала его, задавала вопросы, высказывала свое мнение. Она стала его собеседницей, советчицей, его внутренним голосом. Если в чем-то император и повторял мысли Екатерины, то это были его же собственные мысли, услышанные ею.

К тому же Долгорукая жила уединенно (вся семья, кроме сестры, от нее отвернулась), а значит, за ее спиной не стоял влиятельный клан алчных родственников-интриганов и хитроумных придворных сановников. Екатерина никогда ничего не просила у императора, зато она утепляла его мундиры, следила за его лекарствами, жалела его и искренне восхищалась им. И он мог быть уверен, что за этим не кроется какая-то корысть.

С годами Александр и Екатерина становились все ближе и были в равной степени необходимы друг другу. ***«Александр Николаевич сумел создать из неопытной девушки упоительную возлюбленную. Она принадлежала ему всецело. Она отдала ему свою душу, ум, воображение, волю, чувства. Они без устали говорили друг с другом о своей любви».***

Двусмысленно-фальшивое положение закончилось со смертью Марии Александровны. Императрица тихо скончалась в Зимнем дворце, в собственных апартаментах, в ночь со второго на третье июня 1880 года.

Император тут же ввел Екатерину Михайловну в круг родственников. Теперь они уже не таились.

Великий Князь Александр Михайлович вспоминает: ***«Сам старый церемониймейстер был заметно смущен, когда, в следующее после нашего приезда, воскресенье вечером, члены Императорской семьи собрались в Зимнем Дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской. Голос церемониймейстера, когда он постучал три раза об пол жезлом с ручкой из слоновой кости, звучал неуверенно:***

— Его Величество и светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрела в сторону, цесаревна Мария Федоровна потупилась…

Император быстро вошел, ведя под руку молодую красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру Наследника.

Вполне рассчитывая на полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда Наследника на этот второй его брак. Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны Великих Княгинь и Князей и села рядом с Императором в кресло покойной Императрицы. Полный любопытства, я не опускал с княгини Юрьевской глаз.

Мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к Императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием. Я жалел ее и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, веселого, доброго человека, который к ее несчастью был Императором Всероссийским?

Долгая совместная жизнь нисколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Император Александр II держал себя с нею как восемнадцатилетний мальчик. Он нашептывал слова одобрения в ее маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской

улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью, шутил со мною и моими братьями, страшно довольный тем, что княгиня, очевидно, нам понравилась».

Обряд венчания состоялся 6 июля 1880 года в небольшой комнате нижнего этажа Большого Царскосельского дворца у скромного алтаря походной церкви. Были приняты строжайшие меры к тому, чтобы никто из караульных солдат или офицеров, ни один дворцовый слуга не заподозрили о происходящем. Можно подумать, что речь шла о каком-то постыдном поступке, но, скорее всего, Александр II заботился о том, чтобы его родня не попыталась сорвать мероприятие.

Император был одет в голубой гусарский мундир, невеста — в простое светлое платье. Венчал их протоиерей церкви Зимнего дворца Ксенофонт Никольский, а присутствовали на церемонии граф А. В. Адлерберг, генерал-адъютанты А. М. Рылеев и Э. Т. Баранов, сестра невесты Мария Михайловна и неизбывная мадемуазель Шебеко. Все они позже подверглись некому подобию остракизма со стороны так называемого «большого света».

Ей было тридцать два года, ему — шестьдесят два. Их отношения длились уже много лет, и император, женившись на Екатерине, все же выполнил свою клятву, которую дал ей когда-то: при первой возможности жениться на ней, ибо навеки считал ее женой своей перед Богом.

В день свадьбы он сказал:

— Четырнадцать лет я ждал этого дня и боюсь своего счастья. Только бы Бог не лишил меня его слишком рано…

Через несколько часов он издал тайный указ, объявляя о свершившемся и предписывая жене титул и фамилию Светлейшей княгини Юрьевской. Ту же фамилию получили и их дети, а также те, которые могут родиться впоследствии.

После бракосочетания молодожены уехали в Крым. Их медовый месяц длился с августа по ноябрь.

Об этом пребывании в Крыму писал С. Д. Шереметев: ***«Совершенно неожиданно мы были причиною крупного столкновения семейного. Государь давно желал сближения между своими детьми и детьми цесаревича, в особенности для своей дочери, и делал намек на то, что совместные прогулки в экипаже были бы весьма желательны. Цесаревна, всячески желавшая отдалить это, объясняла, что великая княжна Ксения Александровна всегда катается в одиночестве… Но вот получается приглашение дочери моей Анне приехать к великой княжне Ксении Александровне… Они вместе играют и едут кататься. Их встречает Государь… Он изменил-***

ся в лице. Следует затем объяснение, с кем каталась Ксения Александровна… и т. д., словом, было бурное объяснение, и цесаревну довел до слез… После этого уже нельзя было избегнуть исполнить волю Государя…

Сколько раз заставал я цесаревну в сильном волнении: глаза наполнены слез… Она не стеснялась в выражении своего негодования и только удивлялась терпению и спокойствию цесаревича. *"Il ne voit rien… quand on lui parle il dit qu'il n'a rien on".* ***Маковский в то время делал портрет княгини Юрьевской; нужно было ходить им любоваться. Цесаревна обратила внимание на руки княгини Юрьевской, что они очень некрасивы, и спрашивает у цесаревича, не правда ли, как руки дурны. Он отвечает, что ничего не видел и не заметил. Помню, однажды цесаревна вышла из кабинета Государя вся в слезах. Я провожал ее до дому. Она не могла скрыть своего волнения и негодования. На столе у нее вижу книгу*** *"M-me du Barry".* ***Я обратил на нее внимание. Она говорит, что читать нечего, и что у нас Дюбарри на лицо. После одного объяснения Государь до того разгневался, что крикнул цесаревне, что, если она не хочет его слушать как тестя,*** *"alors je vous l'ordonne comme Soverain".* ***Княгиня Юрьевская не переставала натравливать Государя. Случайно я наткнулся на ее детей; видел я, как сын ее "Тога" бросился обнимать цесаревича, довольно неестественно. Можно сказать, что семейный быт царской семьи представлял из себя целый ад. Цесаревич придумал охоту на Чатырдаги, куда отправился с цесаревной на несколько дней в Космодемьянский монастырь, чтобы быть дальше от Ливадии».***

По возвращении в столицу Екатерина Михайловна поселилась в императорских апартаментах, а на ее банковский счет Александр II положил более трех миллионов рублей золотом. Казалось, император был совершенно счастлив…

Дети Александра II и княгини Юрьевской

Но счастье оказалось недолгим. Прогремел роковой взрыв на Екатерининском канале. Растерзанного взрывом, но еще живого императора привезли в Зимний дворец. Каждую минуту входили люди — медики, члены императорской фамилии. Екатерина вбежала полуодетая и бросилась на тело мужа, покрывая его руки поцелуями и крича:

— Саша, Саша!

Она схватила аптечку с лекарствами и принялась обмывать раны мужа, растирала виски эфиром и даже помогала хирургам останавливать кровотечение.

Мутным от боли взором Александр посмотрел на окружавших его близких. Его губы шевельнулись, но звука не последовало. Глаза закрылись, голова бессильно откинулась. Екатерина приняла его последний вздох. Это было в четыре часа тридцать пять минут пополудни…

Когда лейб-медик, знаменитый врач С. П. Боткин объявил о кончине императора, княгиня упала как подкошенная. В розово-белом пеньюаре, пропитанном кровью мужа, ее вынесли из комнаты без чувств. Бог не внял опасениям Александра II — его счастье оказалось таким коротким. Но четырнадцать лет любви не в силах был зачеркнуть никто.

Накануне перемещения останков Александра II из Зимнего дворца в Петропавловский собор Екатерина Долгорукая остригла свои прекрасные волосы и венком вложила их в руки супруга. Совершенно убитая горем, она поднялась по ступенькам катафалка, опустилась на колени и припала к телу невинно убиенного. Лицо императора было скрыто под красной вуалью, но она резко сорвала ее и начала долгими поцелуями покрывать изуродованные лоб и щеки, после чего, пошатываясь, покинула помещение.

В Ницце Екатерина поселилась на вилле на бульваре де Бушаж, которую в честь сына-первенца, так и не взошедшего на российский престол, назвала «Вилла Жорж» *(С. Ю. Нечаев. Русская Ницца. М., 2010)*.

Это была уже третья по счету попытка князей Долгоруковых утвердиться на русском престоле и четвертая, если начинать отсчет с князя Оболенского-Телепнева, вероятного отца царя Ивана Грозного.

И если бы не смерть Александра II, то неизвестно, как бы сложилась их дальнейшая судьба, хотя умирающая императрица Мария Александровна просила Марию Федоровну (жену наследника престола Александра III) не допускать детей Долгорукой к престолу.

И эта просьба, вопреки воли самого императора, оказалась исполненной волею судьбы:

Георгий Юрьевский в 1891 году закончил Сорбонну со степенью бакалавра, вернулся в Россию и служил в 5-м флотском экипаже на крейсере «Рында». Умер в сентябре 1913 года.

Ольга вышла замуж за графа Георга-Николая фон Меренберга, внука А.С. Пушкина, и родила троих детей.

Екатерина была замужем за князем Барятинским и родила ему двоих сыновей, после его смерти вышла замуж за князя Сергея Оболенского, который был по возрасту младше ее на 12 лет. В 1922 году они разошлись, и Екатерина Александровна зарабатывала себе на жизнь концертным пением. Скончалась в 1959 году в Англии, в возрасте восьмидесяти одного года.

Слева направо: Екатерина, Ольга и Георгий

Так завершился (а, впрочем, завершился ли?) земной круг князей Оболенских-Долгоруковых, самой судьбой определенных быть три с половиной столетия в самой непосредственной близости от российского трона, но так и не стать его обладателями…

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

БРАТЬЯ ГОСУДАРЫНИ-НЕВЕСТЫ

ООО «Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
(812) 900-21-45
isvoe.ru
editor@isvoe.ru
Заказ № 1914
Подписан в печать 03.12.2017
Тираж 100 экз.